

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ*

Исследования в области синтаксиса любого языка находят свое концентрированное выражение в грамматиках, рассчитанных на широкий круг специалистов и всех желающих изучить данный язык. В работах последних лет последовательно проводится мысль о системной трактовке языковых явлений с акцентом на функционально-семантическую значимость грамматических категорий.

Самая важная задача лингвистов, исследующих грамматический строй монгольских языков, - это его системное описание. Между тем при обращении к соответствующей литературе приходится констатировать, что пока такое описание отсутствует, особенно это касается синтаксического фрагмента калмыцкой грамматики.

Необходимость создания новой грамматики калмыцкого языка, отвечающей последним достижениям лингвистической мысли, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения. Тем более что многие проблемы остаются в монголистике до сих пор открытыми.

Основным вопросом, стоящим перед исследователями, остается выяснение природы и роли синтаксических категорий предложения и текста. Так, например, не установлены статус и место в системе тех категорий, которые связаны с синтаксисом простого предложения (речь идет прежде всего о традиционных

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Лингвистический ландшафт Евразии: Грамматический строй калмыцкого языка в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении).

18615-51981-

членах предложения). В свете сказанного целесообразно обратиться к тому, как решаются эти проблемы в общетеоретическом плане: как бы мы ни определяли ту или иную синтаксическую категорию в конкретном языке, должна быть общая концепция, приложимая к любому языку.

При обращении к соответствующей литературе мы обнаруживаем значительные расхождения во взглядах, связанные со сложностью объекта исследования. Обзор и анализ современных синтаксических теорий можно найти в работах В.Б. Касевича¹, А.Е. Кибрика², Я.Г. Тестельца³ и др.

Проблема определения статуса и состава синтаксических категорий связана прежде всего с вопросом об основных единицах синтаксиса. В традиционной лингвистике выделяются две соподчиненные единицы – предложение и член предложения, между которыми отмечают компонентные отношения.

Предложение традиционно считается одной из основных синтаксических категорий, отличающейся от слова и словосочетания в формальном и функционально-семантическом отношении. В литературе существуют разные определения предложения. Так, в частности, предлагается рассматривать данный термин в широком и узком, собственно грамматическом смысле. В широком смысле это любое высказывание (фраза), являющееся сообщением о чем-либо и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие⁴. Что касается собственно грамматического определения предложения, то оно характеризует простое предложение как такую единицу сообщения, “которая будучи образована по специальному, предназначенному для этого грамматическому образцу, обладает значением предикативности... и своей семантической структурой, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определенную коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов⁵. Второе определение, по сути, характеризует простое нераспространенное предложение как элементар-

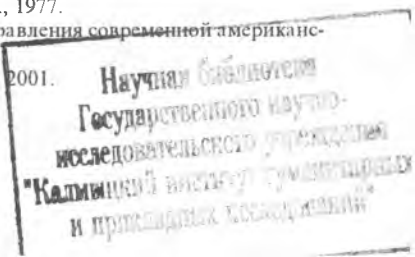
¹ Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.

² Кибрик А.А. и др. (ред.) Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997.

³ Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

⁴ ЛЭС. М., 1990. С. 395.

⁵ Там же.

ную синтаксическую конструкцию (ЭСК), которую мы вслед за В.Б. Касевичем считаем основной единицей синтаксиса в силу ее базисности, исходности, прототипичности¹.

Принимая в целом предложенное выше определение простого нераспространенного предложения, мы в то же время придерживаемся несколько иного мнения относительно синтаксической структуры ЭСК, в частности не можем согласиться с тезисом о том, что “присутствие глагола в структурной основе предложения не обязательно”².

Центральным понятием теории предложения является предикативность как синтаксическая категория. Только в предложении имеется предикативное отношение, которое выражается целым комплексом формальных синтаксических средств, благодаря чему высказывание соотносится с действительностью.

Изучение простого предложения в аспекте соотношения синтаксиса и семантики позволяет сделать важные выводы в плане общетеоретического понимания компонентов простого предложения (традиционных членов предложения). Несмотря на существование обширной литературы по этому вопросу и многочисленные модификации теории членов предложения, уже статус члена предложения остается неясным. Чтобы дать определение этому понятию, необходимо четко представлять себе, что такое синтаксическая функция, поскольку член предложения, в свою очередь, определяется через понятие синтаксической функции. Но это понятие плохо поддается определению.

Обычно считают, что употребление слова определенной части речи в роли конкретного члена предложения и есть его синтаксическая функция. Получается замкнутый круг. Л.В. Щерба указывал, что “какое-то простецкое разрешение вопроса – простецкое, т.е. формалистическое разрешение вопроса – ничего не дает... Ясно, какая цена этому. Ведь это тавтология. Абсолютно никакой познавательной цены не имеет”³.

Как бы мы ни определяли члены предложения, последние всегда будут выявляться по их роли в синтаксической структуре

---

⁶ Омакаева Э.У. К проблеме определения основной единицы синтаксиса // Вестник КИГИ РАН. Вып. 16. Элиста, 2001. С. 35-41.

⁷ Там же.

⁸ Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958. С. 97.

предложения. Следовательно, вопрос о членах предложения не может быть решен до тех пор, пока не выявлены все типы синтаксических структур, относительно которых члены предложения могут получать синтаксическую определенность. Если к тому же полагать, как это обычно для традиционных теорий синтаксиса, что член предложения – синтаксическая категория, обладающая не только формально-грамматическими, но и семантическими признаками, то становится ясной необходимость изучения и семантических аспектов тех структур, относительно которых выделяются члены предложения.

Учитывая сказанное, следует, вероятно, согласиться с тем, что определение синтаксических категорий как раз и должно быть естественным итогом рассмотрения всех релевантных синтаксических конструкций в их формально-грамматическом и семантическом аспектах.

Если ЧП является знаковой единицей, то его определение должно содержать как семантические признаки, так и формальные. Функциональный подход к языковым явлениям заключается в том, что форма и содержание изучаются в их взаимосвязи. Реальность и адекватность категории “ЧП” будет подтверждена, если удастся дать единое определение, отражающее формально-семантический параллелизм, присущий любому языку (разумеется, формальные признаки при этом в разных языках могут быть различными). Такое определение на сегодняшний день отсутствует. Например, подлежащее, выделенное на основе предложенных универсальных признаков, не может быть признано единой знаковой категорией: здесь нет систематического соотношения планов выражения и содержания.

Для определения теоретического статуса того элемента, который традиционно называется членом предложения, необходимо выявить его синтаксические и семантические свойства в различных типах конструкций. Но такое описание зависит от способа представления синтаксической структуры предложения, поскольку та или иная ИГ имеет определенное место в синтаксической иерархии.

Ввиду того, что в разных синтаксических теориях фигурируют разные синтаксические единицы, между которыми нет аналогии в иерархическом плане, что “единая теория с единой тер-

минологией на сегодняшний день еще не выработана”¹, целесообразно рассмотреть возможные подходы к синтаксическому описанию и попытаться выбрать наиболее адекватную модель, соответствующим образом обосновав ее.

В современных синтаксических исследованиях, в т.ч. по синтаксису монгольских языков, можно выделить, на наш взгляд, несколько основных направлений: 1) традиционное; 2) грамматика непосредственно составляющих (ГНС); 3) грамматика зависимостей (ГЗ). Встречаются отдельные работы, выполненные в рамках генеративной (порождающей) грамматики, и практически нет исследований по функциональной синтаксической типологии.

Первое направление находит отражение в существующих монгольских и калмыцких грамматиках, которые можно назвать «грамматиками членов предложения», поскольку, по мнению ведущих синтаксистов², в формировании структуры монгольского (калмыцкого) предложения, традиционно считающегося основной единицей синтаксиса, ключевую роль играют главные члены предложения - подлежащее и сказуемое. В русской грамматике также традиционно выделяются главные и второстепенные члены предложения, хотя, как указывал А.А. Холодович, «лингвистический смысл понятий «главный» и «второстепенный» никогда не был раскрыт»³.

Что касается подлежащего, то оно предстает как нерасчлененное понятие – некий конгломерат синтаксических и семантических свойств. Анализ основных синтаксических концепций подлежащего, разработанных в результате изучения как конкретного языка, так и языков различного типа, показывает, что “мы не располагаем общетеоретическим пониманием этой сущности, не привязанным к конкретным морфологическим характеристикам”⁴. “Поэтому у нас, - пишет В.С. Храковский, - нет, например, достаточных оснований для утверждения, что русское

¹ Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 32.

² Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964; Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.

³ Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 293.

⁴ Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 38, №4. 1979. С. 310.

и китайское подлежащее являются одинаковыми синтаксическими объектами”¹.

В ГНС подлежащее и сказуемое рассматриваются как взаимозависимые члены предложения (ЧП), образующие его основу, в чем мы усматриваем сходство с традиционной грамматикой. Хотя предложение разбивается на составляющие (фразы) не по функциональному критерию (как ЧП), а по формальному.

Много точек соприкосновения с ГНС имеет генеративная трансформационная грамматика, в которой также используется формальный принцип выделения фраз, структурирующих предложение, хотя в ее сегодняшнем варианте при анализе предложения учитываются и прагматический, и семантический компоненты. Продуктивность анализа в рамках данного направления видится в том, что генеративная грамматика, как отмечает В.М. Алпатов, исследует активную роль говорящего, его компетенцию в образовании языковых структур, которую он использует в реальном употреблении².

Нестандартный вариант анализа предложения предлагается современной категориальной грамматикой (КГ), в основе которой лежит отказ от принципа единственности синтаксической структуры, сопоставляемой словосочетанию или предложению.

Близка к традиционному направлению грамматика зависимостей (ГЗ). Но в отличие от традиционной грамматики, указывающей на двухвершинность предложения, ГЗ является вербоцентрической концепцией, т.е. синтаксической вершиной предложения признается только глагол-сказуемое, а все остальные синтаксические единицы (синтаксемы) зависят от последнего. Наиболее полно такая иерархия синтаксических связей отражена в грамматике Теньера, который впервые ввел понятие актантов и сирконстантов, широко использующееся сегодня и в отечественной лингвистике. В книге Теньера, переведенной на русский язык в 1988г., заложены идеи семантического синтаксиса³. Актанты и сирконстанты получают у Теньера семантическое определение, но семантический принцип проводится, как верно

---

¹ Храковский В.С. Синтаксическая типология (методы и средства) // Типология как раздел языкознания. Тезисы дискуссии. М., 1976. С. 170.

² Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998. С. 312-313.

³ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

отметил В.Г. Гак, непоследовательно¹. В ГГ термин «актант» используется нерасчлененно для обозначения синтаксических и семантических единиц. Идеи Теньера нашли свое дальнейшее развитие в работах зарубежных и отечественных лингвистов. Так, разграничение синтаксических актантов и семантических актантов (партиципантов) проводится в теории А.А. Холодовича. Именно такой подход представлен и в работе Е.А. Кузьменкова, посвященной описанию монгольского глагола².

Краткий обзор основных направлений в современной синтаксической науке, представленных и в монгольском языкознании, который, естественно, не мог охватить все имеющуюся литературу по интересующему нас вопросу и все аспекты анализа структуры предложения, позволяет констатировать, что в принципе перечисленные выше подходы имеют много общего, взаимно пересекаясь. Многие положения традиционной грамматики требуют, с одной стороны, дальнейшей детализации на материале монгольских языков, с другой – обобщения, а в определенных случаях – пересмотра в свете достижений лингвистики конца XX в.

Наши многолетние разыскания в области синтаксиса монгольских языков позволили разработать метаязык, понятийный аппарат и методику выделения и классификации синтаксических единиц в родственных языках – монгольском и калмыцком - в рамках единой теоретической концепции. Анализ уместно начать с таких синтаксических предикативных конструкций, которые составляют синтаксический “костяк” языка и демонстрируют основной набор синтаксических отношений в наиболее “чистом” виде, в которых, наконец, усматривается наиболее простое и последовательное выраженное соотношение формально-грамматических (собственно синтаксических) и семантических характеристик.

В основу метода исследования был положен метод моделирования. В качестве объекта моделирования была избрана основная единица синтаксиса – элементарная синтаксическая конструкция (далее - ЭСК)³. Представители новосибирской син-

---

¹ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1999. С. 506.

² Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.

³ Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988; Омакаева Э.У. Актантная структура монгольского предложения и место в ней первого актанта // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч.1. М., 1988. С. 227-238.

таксической школы¹ называют такую единицу элементарным простым предложением (ЭПП). К настоящему времени, по данным М.И. Черемисиной и Е.К. Скрибник², выявлены основные модели ЭПП в восьми исследуемых языках Сибири, в том числе на материале таких языков, как уйгурский, алтайский, тувинский, хакасский, шорский, бурятский.

Что касается монгольских языков, то пока опубликованы, насколько нам известно, только результаты изучения основных моделей ЭСК, выделенных на материале современного монгольского языка³. Исследование ЭСК монгольского и калмыцкого языков позволит сделать некоторые предварительные выводы по уже выполненной работе, тем более что сопоставление результатов, полученных на материале родственных языков, представляет большой интерес в типологическом плане.

В настоящей работе, как уже говорилось выше, применительно к таким конструкциям используются термины “прототипическая конструкция” (ПК) и “элементарная синтаксическая конструкция” (ЭСК). Основопологающим для концепции ЭСК является то, что она понимается прежде всего как основная структурная единица синтаксиса, которая может моделироваться.

Обсуждение, предпринятое нами выше, показало, что единое определение предложения как основной единицы синтаксиса, которое основывалось бы на некотором формально-семантическом параллелизме, на сегодняшний день отсутствует. Такое положение не случайно. Попытки определить предложение, по-видимому, в принципе не могут быть успешными, если мы не разграничим, как минимум, такие аспекты, как: синтаксические характеристики компонентов элементарных и производных конструкций; семантические роли и семантические гиперроли; семантические роли (гиперроли) и тематичность, тематичность и данность.

---

¹ Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; Черемисина М.И. Осложненное предложение в его отношении к сложному и простому // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 4.

² Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996, № 4. С. 49.

³ Омакаева Э.У. К проблеме системного описания простого предложения в монгольском языке // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991. С. 115-127.

Именно такая попытка дифференцированного рассматривания разных аспектов предпринята в настоящем исследовании. В качестве отправной точки принято изучение актантной структуры ЭСК и семантизации последних. Моделирование ЭСК производится нами с позиций вербоцентрической теории, в которой ведущее место отводится понятию валентности глагола. ЭСК моделируются в виде формул. Для внутреннего структурирования моделей используется термин *актант*.

Важным выводом, вытекающим из рассмотрения свойств актантной структуры, является констатация того факта, что однозначная семантизация актанта заданного ранга возможна только в рамках ЭСК. Именно здесь синтаксис и семантика максимально параллельны. Проведенный анализ показал, что ЭСК являются знаками, несмотря на одновременное существование семантики, “располагающейся над синтаксисом”. Хотя синтаксическая конструкция не имеет одного-единственного значения, взятого в отвлечении от её лексического состава, она не безразлична к семантике: для каждой ЭСК нами был указан тип семантической предназначенности.

Когда мы говорим о семантике как об особом, самостоятельном компоненте языка, мы отвлекаемся от значения слова, морфемы и имеем в виду лишь содержание высказывания. Следует сделать оговорку, что существование автономного семантического уровня признается условным (исходя из сегодняшнего уровня наших знаний).

Традиционная теория не выделяет семантику в качестве особого уровня. Существует и своего рода “неотрадиционная” теория (современный вариант традиционного подхода), выделяющая различные аспекты (формальные, семантические). Неудовлетворительность такого подхода заключается в том, что он не позволяет с достаточной естественностью обеспечить синонимию высказываний (соответствие разных синтаксических структур одной семантической).

Те компоненты синтаксической структуры, которые традиционно считаются членами предложения, обладают в ЭСК следующим набором синтаксических и семантических признаков:

1. Морфологическое оформление (словарная или падежная форма имени).

2. Синтаксический ранг актанта.
3. Позиция.
4. Коммуникативная роль темы или ремы.
5. Семантическая роль.

Семантические роли, альтернативно присущие актанту определенной ранга, объединены в одну гиперроль, например, субъекта. Основанием такого объединения служит тождественность формально-синтаксического выражения. Следует оговорить, что среди ЭСК монгольских языков имеются такие, в которых I актант не имеет семантической роли, поскольку семантически отвечает предикату. Это ЭСК 2 с предикатным I актантом. Особое положение занимает и ЭСК 3, образуемая глаголами взаимного действия. I актант в данном случае является сложным (составным), сложность которого всегда реализуется в сфере семантики (ему отвечают роли абсолютива и соучастника одновременно), а в некоторых вариантах конструкции – также и в сфере синтаксиса.

Как уже отмечалось в наших предыдущих работах, лично-притяжательные аффиксы типа –*нь* и частицы типа *л*, *бол* и др. не являются маркерами актантов. Одни из них выделяют тему или данное, другие являются акцентирующими частицами.

В тех типах ЭСК, где I актант входит в состав ремы, он, являясь центральным словом последней, может получить рематическое ударение. Слово, несущее рематическое ударение, называется в терминологии некоторых авторов фокусом контраста. Показателем данной категории в монгольском языке служит, по всей вероятности, служебное слово *гэж*.

Тот или иной актант может иметь эмфатическое или логическое ударение. В литературе эти понятия часто употребляют как синонимы. Под эмфазой мы понимаем подчеркивание, когда говорящий хочет привлечь внимание слушающего к информации, которую несет данное слово. Логическое же ударение указывает на данный тип соотношения семантики и синтаксиса. Например, монг. Би л буруутан “Я – виновник”: 1) X – виновник (пресуппозиция); 2) X есть Я; 3) У – не виновник. Частица *л* выделяет не актант, а акцентированное слово.

Таким образом, в ЭСК монгольского и калмыцкого языков формально-грамматическими признаками актантов являются морфологическое оформление и позиция.

Проведенное исследование позволило установить статус и место в системе тех синтаксем, которые в монгольском языке могут быть сочтены компонентами конструкций. Подлежащим можно назвать тот актанта ЭСК, который имеет своим соответствием в плане содержания 5 СР, обобщением которых выступает гиперроль субъекта. Дополнением может быть признан тот актанта, который имеет своим соответствием в плане содержания 11 СР (реципиент, пациенс, аблатив, локатив, терминатив, результат, источник, бенефициент, цель, номинатив, инструмент). Гиперроль объекта является обобщением только двух СР – пациенса, результата.

Общетеоретическое понимание категории подлежащего как актанта, имеющего своим соответствием в плане содержания субъект, позволяет заключить, что категория подлежащего не является универсальной. Она имеется только в тех языках, где обнаруживается категория субъекта. Поскольку в результате проведенного исследования в монгольских языках выявлена категория субъекта, то мы констатируем и наличие категории подлежащего в данных языках.

Но даже в пределах одного языка с “исчезновением” субъекта вместо подлежащего может появиться “подлежащеподобная” синтаксема. В монгольских языках это наблюдается в осложненных конструкциях, т.е. в производных от ЭСК конструкциях. Из большого числа производных конструкций нами были выбраны только каузативные (КК) и зависимые (ЗК)¹. Исходя из анализа этих конструкций, мы сделали вывод, что тот элемент, который обычно называется подлежащим (КК) или синтаксический характер которого активно дебатировался (ЗК), не может быть идентифицирован с помощью набора признаков, установленных для подлежащего ЭСК. Этот элемент определяется нами как “подлежащеподобный”: набор его признаков в той или иной степени редуцирован по сравнению с признаками прототипического подлежащего. Аналогичные выводы сделаны нами в

---

¹ Омакаева Э.У. О правилах каузативной трансформации в современном монгольском языке // Тезисы I конференции по теоретической лингвистике. М., 1993. С. 105-107; О классификации дополнительных зависимых конструкций в калмыцком языке (трансформы нулевой степени) // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 1. М. - Элиста, 2002.

отношении традиционного дополнения. Разграничение понятий “подлежащее”, “дополнение” и “подлежащеподобные”, “дополнениеподобные” синтаксемы способствуют более адекватному описанию монгольского синтаксиса и имеет значение для построения адекватной типологии языков.

Таким образом, в данной статье мы попытались определить место и роль синтаксических и семантических категорий в системе монгольских языков и в их описании. Результаты работы, полученные путем приложения разработанной нами методики к анализу синтаксических предикативных конструкций, могут быть сведены к следующему:

- 1) классификация элементарных синтаксических конструкций монгольского и калмыцкого языков;
- 2) анализ валентностных характеристик монгольского и калмыцкого языков;
- 3) выявление асимметрии синтаксических и семантических валентностей;
- 4) определение списка семантических ролей, существенных для монгольского и калмыцкого синтаксиса и семантики.

В практическом плане проведенное исследование по экспериментальной проверке применимости актантного подхода к сопоставительному анализу синтаксических конструкций монгольского и калмыцкого языков, выявлению возможностей дальнейшего развития данной методики открывает перспективу совершенствования методики преподавания монгольских языков¹.

Системы моделей ЭСК в калмыцком и монгольском языках в принципе совпадают, за исключением некоторых расхождений, касающихся морфологического оформления актантов. Дальнейшим шагом должно стать сопоставление монгольской системы моделей, состоящей из монгольской, бурятской и калмыцкой подсистем, с тюркской и тунгусо-маньчжурской с выходом на общеалтайскую систему.

---

¹ Омакава Э.У. Система элементарных синтаксических конструкций как средство оптимизации преподавания синтаксиса монгольского языка // Материалы семинара «Статистическая оптимизация преподавания языков и компьютеризация обучения». Ч. 2. Чимкент-Минск, 1990. С. 279-280.